

Минская ініцыятыва

СТУДИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА
«ШКЕРЕБЕРТЬ»

«Не розумівся: ти в Едемі, в раї?»

В февралі 2020 года в Минске в формате международной гуманитарной программы «Минская инициатива» прошел мастер-класс по сравнительному поэтическому переводу студии «Шкереберть» при непосредственном участии известного украинского поэта, лауреата Национальной премии Украины им. Тараса Шевченко — Петра Мидянки, чьи стихи в переводе на русский и белорусский языки мы предлагаем нашим читателям.

Галина КЛИМОВА

Петро Мидянка

Патріотична елегія

І ти не знав, що вернешся в місця,
Де сяє гостре лезо від різця.
На овиді золочені вершини.
Нові будинки і нові церкви,
Оранжейне листячко смокви
Та в канцеларні лубочні картини.

Пливла Бронецька гомінка вода
І піднебесна сипалась слюда
І пробивалось сонце в кожну шпарку.
Тут не зійшлися клани ані рід.
Латинські назви листяних порід —
Із уст лісничого у світлотінях парку.

Все діялося в гомоні століть,
Неначе квадрокоптера політ
Понад горбаті вулички й сараї.
Бо то була таки твоя земля
Оті воскові в чагарях поля.
Не розумівся: ти в Едемі, в раї?

ПЕРЕВОДЫ НА РУССКИЙ И БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫКИ

Дмитрий Артис (Москва)

И ты не знал, что возвратись домой,
Увидишь свет, как отблеск ножевой,
Над горизонтом царствуют вершины.
В жилищах и церквушках новодел,
Инжир в оранжереях поредел,
Но в офисах — лубочные картины.

Здесь рокотом Бронецкая вода,
И крошится небесная слюда,
И солнце осыпает золотыми.
Не собиралось племя или род,
Названия всех листовных пород
Лесничий произносит на латыни.

Всё деялось на триста лет вперёд,
Как будто квадрокоптера полёт
По-над полуразрушенным сараем,
Равнина зарастала ковылём,
Но это всё равно твой отчий дом,
Хоть называй Эдемом или раем.

Яна-Мария Курмангалина (Москва)

Не знал ты, что вернёшься в те места,
Где сталь луча последнего чиста
На кромке позолоченной вершины.
Где много новостроек и церквей,
Смоковницы в тепле оранжерей,
В конторах те же пыльные картины.

Волнуется Бронецкая вода,
Из поднебесья сыплется слюда,
А солнце светит ярко и поныне.
Здесь не сходились кланы или род.
И лишь названия листовных пород
Лесничий в парке помнит на латыни.

Всё это длилось в гомоне веков,
Так вертолёт гудит среди облаков,
И гул плывёт над крышами сараев.
Ты чувствуешь, что здешняя земля,
Её кусты, лощёные поля,
Твой личный рай, где сердце ищет рая.

Роман Рубанов (Курск)

И ты не знал, вернёшься ль в те места,
Где будут лезвием резца блистать
Вершины горизонта в свете дивном.
Церквей и новостроек пёстрый вид,
Инжир оранжерейный шелестит,
Жизнь канцелярий, как лубок, — наивна.

Шумела здесь Бронецкая вода,
Из поднебесья сыпалась слюда,
И солнце жгло лучами золотыми.
Здесь не ведёт начало чей-то род.
Лесник названья лиственных пород,
Идя по парку, шепчет на латыни.

История свершается в веках.
А квадрокоптер смотрит свысока,
Как льнут сараи к улочкам бегущим.
Да, здесь всегда была твоя земля,
И восковые, в зарослях, поля
Ведут тебя дорогой к райским кушам.

Ольга Сульчинская (Москва)

И ты не думал, что опять придёшь
Сюда, где лезвием сверкает нож.
На горизонте золотятся горы.
Всё новое: и церкви, и дома,
Растёт оранжерейная хурма,
Лубочный вид глядит со стен конторы.

Текла, шумя, Бронецкая вода,
Из поднебесья сыпалась слюда
И солнце забавлялось светотенью,
Не древние сходились племена,
Латинские припомнив имена,
Лесник давал их каждому растению.

И шум веков был слышен — тот же звук,
С которым квадрокоптер чертит круг
Над улочкой горбатой, над сараем.
И не было родней, чем та земля,
Кусты и глина, стылые поля.
И ты не знал, назвать ли это раем.

Анна Павловская (Москва) — перевод на белорусский язык

Каб ведаць, што прыедзеш да мясцін,
Дзе блішча асцярожны мастыхін.
Далёка залацістыя вяршыні.
Дзе новая будуюцца царква
І распранае лісцікі смоква,
Як на салодкай дробязнай карціне.

Бранецкая злавалася вада,
З нябесных схілаў лілася слюда,
Пляскала сонца ў кожную прарэчу.
Ні клан, ні род не з'вяцца на сход.
Лацінскімі найменнямі парод
Аслепись вас ляснічы на пацеху.

Усё адбылося і мінуў той год,
А зараз квадракопгэра палёт
Над стогнамі ў гарбатым даляглядзе.
Ці чуў цяпло сваяцтва ад зямлі —
У карчажынах воскавых палі.
Здавалася, што ты ў Эдэмскім садзе?

Петро Мидянка

Димеш

Німуе скрипка і затих рояль,
Лише отари подались на пашу.
Ти з Марамороша поїхав на Ардял
Ще молодий, мій рідний бутиняшу.

Січки в дров'яниках. Цілі ряди полін.
Строї смерек, сокиру не піднімеш.
Але нікому з прийшлих поколінь,
Лише мені захочеться у Димеш.

Де ще дешевий сушиться тютюн,
Де ще каміння тямить твої кроки.
Чорний сатин заробітчанських трун...
Жива форельна плине у потоки

Евгения Джэн Баранова (Москва)

Немеет скрипка, и затих рояль,
Стада овец отправились на пажить.
Мараморош сменял ты на Ардял,
Да только дома до сих пор не нажил.

Поленьев ряд, дрова в сарае спят,
Отряды пихт — секиру не поднимешь.
Никто не возвращается назад,
И только я попасть мечтаю в Димеш.

Где сушится табак или укроп,
Где камень звук шагов твоих запомнил.
Горит сатин — заробитчанский гроб.
Живёт форель — что раньше, что сегодня.

Анна Маркина (Москва)

Немела скрипка, и затих рояль,
Отары шли по луговой росе.
Из Марамороша уехал на Ардял
Мой юный, дорогой мой дровосек.

Строй пихт. Ряды поленьев. Связки дров.
Так тягостно, что руку не подынешь.
Сюда не рвутся — этот край суров
Для молодых. Но я поеду в Димеш.

Где сушится копеечный табак,
Где шаг твой ещё помнит камень стойкий,
Сатин на гастарбайтерских гробах,
Форель живая плещется в потоке.

Олеся Мифтахова (Киев)

Молчит скрипач, давно затих рояль,
И только стадо нынче вышло в поле.
Из Марамороша уехал ты в Ардял,
Мой лесоруб, ты выбирать не волен.

Ряды поленьев, полон дровяник.
Деревьев строй, топор ты не поднимешь.
Из поколений, что пришли на миг,
Один лишь я хочу уехать в Димеш.

Там, где дешёвый сушится табак,
Где помнят шаг твой каменные блоки.
За чёрной тканью мёртвого раба
Форель живая вновь плывёт в потоке.

Роман Рубанов (Курск)

Умолкла скрипка, и затих рояль,
Отары к пашням движутся картинно.
Из Марамороша ты едешь на Ардял,
Мой лесоруб с нетронутой щетиной.

Вязанки дров. Поленица полна.
Строй елей тесен — топора не вскинешь.
Скажи, кому из прошлого нужна
Дорога, как не мне, в далёкий Димеш.

Там где дешёвый сушится табак,
И каждый камень в жизни что-то значит.
Сатин на гастарбайтерских гробах...
Форель в ручьях живых стоит и плачет.

Петро Мидянка

Заводчиков

Чорнявий Гена ще не був мажор,
Не був ні кірасиром, ні гусаром,
Але тоді на мілітарній парі
На «калаші» показував затвор.

Один відомий безголосий хор
Співав «Орденоносне Закарпаття».
І наші всі ідеї та заняття
Так трепетно оберігав майор.

Кидав у мене Вайсброт сірники,
Сторчма ставали сині коробки.
І раптом нас накрило злющим матом.

Завмер увесь філологічний взвод,
Коли розкрився офіцерський рот:
Строчив мораль, як чергу з автомата...

Дмитрий Артис (Москва)

Черноволоксий Гена — не мажор,
Ни кирасиром не был, ни гусаром,
Но как-то нам на милитарной паре
От «калаша» показывал затвор.

Один известный безголосый хор
Гремел: «Орденоносне Закарпаття...»
И мысли наши в тишине занятий
Так трепетно оберегал майор.

Кидался Вайсброт спичками в меня,
Вставали коробки, как солдатня,
И вдруг накрыло нас отборным матом.

И бегал взвод филологов гуськом,
Когда он офицерским языком
Строчил мораль, как чёрт из автомата.

Герман Власов (Москва)

Хоть смуглый Гена и не был пижон,
Не слыл кавалергардом и гусаром, —
Тем методичней на военке с жаром
Взводил затвор, пристегивал рожок.

Прославленный и безголосый хор
Гремел «Орденосне Закарпаття».
Весь наш моральный облик и занятя
Столь трепетно оберегал майор.

Бросался Вайсброт спичками в меня
И синий коробок вставал стоймя.
Нас накрывало трехэтажным матом.

Филологов звено бросало в пот,
Когда раскрытый солдафонский рот
Строчил мораль, как бы из автомата.

Яна-Мария Курмангалина (Москва)

Был не ханжа наш Гена, не мажор,
Не кирасир, не числился гусаром,
Когда спокойно на военной паре
На «калаше» показывал затвор.

Один известный безголосый хор
Гремел «Орденосным Закарпатьем»,
И все идеи наши, все занятя
Так трепетно оберегал майор.

Кидал мне спички Вайсброт от тоски,
И на ребро вставали коробки,
Когда накрыло класс звенящим матом.

И замер весь филфаковский наш взвод,
Не веря в то, что офицерский рот
Строчит мораль, как чёрт из автомата...

Анна Маркина (Москва)

Чернявый Гена жил не как мажор,
Тогда ещё особо не гусарил.
Однажды он нам на военной паре
На «калаше» показывал затвор.

В то время громкий безголосый хор
Терзал «Орденосным Закарпатьем»,
Пока идеи наши и занятя
Старательно оберегал майор.

Пулялся Вайсброт спичками в меня,
Шли коробки от линии огня,
И вдруг нас обложило резким матом,

Филологов опешил целый взвод,
Когда моралью офицерский рот
Лупил по людям, как из автомата.

Роман Рубанов (Курск)

В мажорах Чёрный Гена не ходил,
Гусаром не был, но, однако, ловко,
На паре по военной подготовке
На калаше всегда затвор взводил.

Один известный безголосый хор
Запел «Орденосне Закарпаття».
Все наши помыслы и все заняття
Так трепетно оберегал майор.

В меня бросался спичками Вайсброт,
И коробки вставляли в полный рост.
Внезапно нас накрыло крепким матом.

Филологический наш замер взвод,
Когда плевался офицерский рот,
Моралью, как огнём из автомата.

Анна Павловская (Москва) — перевод на белорусский язык

Чарнявы Генька шчэ не быў мажор,
Не быў ён кірасірам і гусарам,
Але аднойчы на вайсковай пары
На «калашы» зашморгваў затвор.

Адзін наперад анямелы хор
Спяваў «Орденосне Закарпаття».
На ўсіх занятках нашых і заняццях
З лішка шчадрот нас вартаваў маёр.

У мой бок кідаў Вайсброт сярнічкі,
І стаяком паўсталі карабкі.
І раптам нас накрыла злосным матам.

Замёр увесь філалагічны ўзвод,
Калі адкрыўся афіцэрскі рот:
Страчыў мараль, як чэргі з аўтамата...

*Петро Мидянка**Олімпієв*

Сидів на іспиті з очима, як у пса,
Задача з траєкторією кулі
Мене вернула у часи минулі...
Вціляв набій не в тіло — в небеса!

Хотілось розстріляти вогневу
Цю підготову й того офіцера.
Весь час ходив сердитий, як пантера,
Забув фронти, бої й передову.

Біда, що кулі і понині свищуть,
Хоч він розліг уже на кладовищі,
Яко совковий гордий відставник.

І вогнегасник на щитку, і зброя —
Ще воякаа, червоного конвоя,
Котрий, як вічний привид, ще не зник...

Дмитрий Артис (Москва)

Сдавал экзамен, был похож на пса.
Задачки траекториями пули
Меня в часы минувшие вернули...
Я целил не в людей, а в небеса!

Хотелось избежать мне огневой
Той подготовки, грохнуть офицера.
Ходил он, как сердитая пантера,
Забыв о схватке на передовой.

Беда, что пули и поныне свищут,
Хоть офицер давно уж на кладбище,
Совковой жизни гордый отставник.

Огнетушитель на щитке, что воин
В червонных латах, выставлен конвоем,
Который вечным призраком возник.

Герман Власов (Москва)

Чей глаз багровый цербером висел,
Билет на траекторию полёта —
В былые дни вернул меня, и вот он...
Не в тело — в небо наведён прицел!

За эту огневую я б к стене
Поставил отставного офицера.
Озлобленный, всю пару, как пантера,
Ходил, не вспоминая о войне.

Одна беда: летит свинец и ныне,
Укрытый под землёй, оставил имя
Совковый воин, мстительный зоил.

Огнетушитель на щите и вилы
Записаны за красным конвоиром:
Он здесь и никуда не уходил.

Анна Маркина (Москва)

Сидел на зачёте — глаза, как у пса,
Пытался найти траекторию пули,
И вдруг, будто в прошлое время вернули,
Услышал, как пули клюют небеса.

Хотелось взорвать, расстрелять тишину,
Учебку, весь класс и того офицера,
Что мерил шагами наш класс, как пантера,
Как будто в себе схоронил он войну.

Беда, что не стихли снаряды вороньи,
Хоть тот офицер уж и сам похоронен,
Совковский охранник режима.

Пожарный щиток. Не кончаются войны.
И бродит вояка красноконвойный,
Как призрак, огнём одержимый.

Петро Мидянка

* * *

Подільських дуфортів заледеніле скло
Поволі спонукає до канкану.
На гнутих чорних стільцях «Барбакану»
Примощується місто і село.

О тій предивній вечора порі,
Коли довкіл розпочинають танці.
Зелений плин чарує в повній склянці,
Зі стін авангардові малярі.

Не дим канабісу, звичайний нікотин.
Від нього флер — до стійки і картин
Вповзає тихо з дворика тісного

І тільки вдвох потішно сидимо.
Лише не вистачає доміно,
Доки з богеми ще нема нікого...

Евгения Джэн Баранова (Москва)

Подольских дворикив холодное стекло
Невидимо доводит до канкана.
На гнутых чёрных стульях «Барбакана»
И город примостился, и село.

Есть дивная порода вечеров,
когда вокруг устраивают танцы.
Абсент глядит зелёным иностранцем
на пыль авангардистских мастеров.

Не дым каннабиса, обычный никотин.
Густейший дым — до стойки и картин
Вползает тихо со двора, как сырость.

И ты сидишь, весёлый и хмельной,
И не хватает только домино,
Пока сюда богема не явилась.

Роман Рубанов (Курск)

Двор на Подоле вымошен стеклом,
Как тут не быть весёлому канкану.
На гнутых чёрных стульях «Барбакана»
Усядутся и город, и село.

Вот-вот вечерняя начнётся жизнь,
И очень скоро танцевать потянет.
И отразится весело в стакане
Сползающий со стен авангардизм.

Не травки дым — обычный никотин.
Флёр от него — до стойки и картин
Сквозь тесный дворик медленно доходит.

И только мы сидим смешно вдвоём,
Дай домино, и мы козла забьём,
Пока богема где-то лоск наводит...

Ольга Сульчинская (Москва)

Лёд во дворах Подола, как стекло,
Пока дойдёшь, не избежать канкана.
На гнутых чёрных стульях «Барбакана»
Устроится и город, и село.

У музыки особенный азарт,
Как будто танцы всем пообещали,
Зелёный хмель колыхнется в бокале,
Красуется на стенах авангард.

Не дым каннабиса, обычный никотин.
Он с улицы добрался до картин
И мимо нас двоих плывёт невинно,

Нам непонятно, почему смешно.
И не хватает только домино,
Пока богемной публики не видно.

Анна Павловская (Москва) – перевод на белорусский язык

Падольскіх мыз заледзянела шкло,
Дрэйфуе паступова да канкану.
На гнутых чорных крэслах «Барбакану»
Ўсаджаюцца горад і сяло.

Складае вечар з новага радку,
Што навакол распачынаюць танцы.
Зялёны сок у авангарднай шклянцы
Даруе захапленне мастаку.

Не анаша, звычайны нікацін
Струменіцца ад стойкі да карцін,
Паціху льецца з дворыка малога.

І мы ўдваіх сядзім нібы ў кіно
І толькі не хапае даміно,
Пакуль з багемы не прыйшло нікога...